

УДК 1:091+165.2

Ю.В. Суржанская**КОНЦЕПТ КАК ФИЛОСОФСКОЕ ПОНЯТИЕ**

Разрабатывается философское понимание концепта. Как поле актуализации идеи концепта рассматриваются классическая философия, современная западная философия и отечественная философия. Решаются основные проблемы, связанные с идеей концепта.

Ключевые слова: *концепт, идея, сознание, мышление.*

В XX в. в отечественной лингвистике появился новый объект исследования – понятие концепта. Оно стало центральным в таких направлениях научной мысли, как когнитивная лингвистика, психолингвистика и лингвокультурология. В философских словарях и энциклопедиях до недавнего времени было невозможно найти понятие концепта. Однако в 2009 г. в «Энциклопедии эпистемологии и философии науки» вышла статья под названием «Концепт» известного философа С.С. Неретиной [1]. Автор статьи показала, что понятие концепта имеет прямое отношение к философской проблематике, прежде всего, к познанию. С.С. Неретина очертила основной абрис этой темы в философии. Новое явление в теоретическом знании неизбежно влечет за собой вопрос его определения. Поэтому, несмотря на постановку проблемы, она все еще требует дальнейшей разработки и решения. Что же такое концепт, по нашему мнению, с точки зрения философии? Какой феномен сознания или языка он обозначает? Решению этих вопросов посвящена данная статья.

Поскольку философские исследования, посвященные концепту, единичны, обратимся к классической философии. Проблема концепта – это проблема того, как люди мыслят. В свою очередь, анализ мышления имеет традицию в классической философии. Этой проблемой занимались Кант, Гегель, Фреге. Классическая философская мысль на примере этих авторов двигалась к идее концепта. Эти философы не употребляют слово «концепт», но некоторые их идеи близки к идее концепта. Рассмотрим эти позиции более подробно.

Классическая гносеологическая проблема философии – это проблема образования общего знания. Основным источником познания является, вне всякого сомнения, чувственное восприятие, но при этом знание оно дает всегда конкретное. Как же тогда мы приходим к общим понятиям?

Одна из попыток ответить на этот вопрос – парадигма, созданная И. Кантом. Согласно ей общее знание возникает из подведения чувственных данных (ощущений, восприятий) под априорные категории (чистые рассудочные понятия). Применять чистые рассудочные понятия (категории) к созерцаниям, несмотря на их разную природу, можно благодаря трансцендентальной схеме.

Трансцендентальная схема существует только в мысли, она лежит в основе понятий, но она каким-то образом связана и с чувственными данными. Другими словами, в трансцендентальной схеме есть что-то от когнитивных структур и одновременно от чувственных данных. «Это посредствующее представление должно быть... с одной стороны, интеллектуальным, а с другой – чувственным. Именно такова трансцендентальная схема», – пишет И. Кант [2. С. 221]. Этим трансцендентальная схема схожа с концептом. Концепт – медиальная структура: он является формой мышления, но при этом он включает в себя первичные феномены (ощущения, переживания и т.д.).

Еще более близкой к концепту идеей И. Канта является высказанная им мысль о существовании смутных понятий [2]. Понятие, по И. Канту, раскрыто полностью лишь в том случае, если точно известно, что оно адекватно предмету. Содержание смутных понятий содержит в себе много неясных представлений, поэтому эти понятия не поддаются дефиниции. Полнота анализа такого понятия всегда будет сомнительной и только предположительно достоверной. В качестве примера такого смутного понятия И. Кант называет понятие справедливости.

Еще одно решение проблемы общего знания предлагает Гегель через свое понятие «представления». Гегель вводит понятие интеллигенции как теоретического духа и деятельности интеллигенции как познания. Интеллигенция как познание имеет три ступени: созерцание, представление и мысль. На стадии чистого созерцания интеллигенция погружена во внешнее, ее содержание – это содержание созерцаемого объекта. Но интеллигенция делает содержание этого объекта внутренним и тем самым поднимается на ступень представления. Таким образом, представление – нечто переходное между созерцанием и мышлением. Представление – это уже достояние интеллигенции, ее внутреннее, но при этом оно еще не стало предметом мысли, не поднято до пределов разумности, до подлинно свободного отношения. «Представление в качестве внутриусвоенного созерцания есть нечто среднее между интеллигенцией, поскольку она находит себя непосредственно определенной, и ею же в её свободе, т.е. мышлением» [3. С. 253]. В представлении содержание созерцания становится внутренним и более не требует внешнего объекта. Для нас здесь интересны два момента. Во-первых, интеллигенция, говорит Гегель, – это кладовая бесконечного множества образов и представлений, которыми она не может свободно распоряжаться. Они «случайно просыпаются время от времени», и их нельзя вызвать [3. С. 257]. Во-вторых, представления имеют уже общую природу, поэтому, указывает Гегель, их часто путают с понятиями [3. С. 262]. Но представление – это единство объективно-субъективного, все еще имеющее характер субъективного, в отличие от понятия мышления как такового. По ступенькам представления (воспоминание, фантазия, память) через связь с языком, именем интеллигенция становится в своей собственной сущности мышлением. Нерефлексивный, спонтанный характер представления, отличие его от понятия – это те черты, что сближают представление и концепт.

В логике близко к идее концепта подошел Г. Фреге. Г. Фреге, раскрывая структуру имени или знака на примере использования индивидом знака «плюс», различил функцию сложения («объективную» математическую сущ-

ность), знак сложения «+» (лингвистическую сущность), «смысл» этого знака («объективную» абстрактную сущность, подобную функции) и идею в сознании индивида, ассоциированную с этим знаком [4. С. 79]. «Ассоциированная идея» Г. Фреге, близка современному пониманию концепта, – это индивидуальный обобщённый образ какой-либо вещи, объекта. Она образуется на базе специфического индивидуального опыта, является сущностью, индивидуальной для каждого индивида. В разных сознаниях ассоциированная идея тоже будет разной (например, идея лошади у крестьянина и жокея).

Таким образом, в классической философии существует определенная традиция, ведущая к концепту. Обратимся теперь к тем философам, которые не просто двигались к идее концепта, но и разрабатывали ее.

Из классических философов таким мыслителем является П. Абеляр. Развивалась идея концепта в средневековой философии также Гильбертом Порретанским, модистами, Фомой Аквинским, Дунсом Скотом и др. [1. С. 387]. Концепт в средневековой философии связывался с речью, а не с написанным текстом. И поэтому он помимо грамматики включал в себя все смыслы, оттенки речи: жесты, мимику, интонацию, ритм речи, уточнения и т.д. Таким образом, концепт – творческое начало, которое является творческим по своей природе и творческим по своему влиянию на другого. Концепт может изменить душу субъекта, поскольку выражает ценностные установки и предпочтения говорящего.

Понимание средневековыми философами концепта как феномена, который включает в себя разнообразные смыслы, близко идее концепта в ее современном варианте. Концепт – это не просто произнесенное или написанное слово, это, прежде всего, в нашем понимании, те смыслы, воспоминания, впечатления, ценности, которые он актуализирует.

Современными мыслителями, которые анализируют идею концепта и используют ее для решения философских проблем, являются Ж. Делез и Ф. Гваттари.

Ж. Делез и Ф. Гваттари обращаются к проблеме концепта, когда пытаются ответить на вопрос, который мучил философов во все времена: что же такое философия? Определяя философию как «искусство формировать, изобретать, изготавливать концепты» [5. С. 10], они, первые среди философов, ставят понятие концепта в самый центр философской проблематики.

В их представлении все философы – от Платона до современных авторов – создавали концепты. Во французском языке нет разделения слов «понятие» и «концепт», тем не менее ясно, что Делез и Гваттари вкладывают в свой термин «*le concept*» смысл, по содержанию близкий концепту, а не понятию.

Концепт у французских философов индивидуален, многомерен, состоит из частей, которые могут сами выступать концептами, структурно неопределенен, не может функционировать в каком-то определенном дискурсе. Концепт в их понимании является одновременно абсолютным и относительным образованием, которое есть «неразделимость конечного числа разнородных составляющих» [5]. В такой форме концепт близок к термину «идея», когда

говорящий не может определить точные границы мыслительного образования.

Похожий взгляд на концепт высказывают и наши отечественные лингвисты, о чем мы подробно писали в наших предыдущих публикациях [6, 7]. То, что подобные идеи были зафиксированы в разных областях гуманитарного знания, лишь подчеркивает их фундаментальный характер.

В отечественной литературе первое движение к концепту сделали В.Н. Сагатовский и А.Н. Книгин.

В.Н. Сагатовский – томский, а затем петербургский философ. В начале своей философской карьеры В.Н. Сагатовский, увлекшись вопросом о соотношении чувственного и логического познания, разрабатывал понятие представления как формы познания. Основное развертывание этой идеи он дал в своей кандидатской работе «Чувственные основы и логическая природа понятия» [8]. Основными положениями этой работы были следующие идеи. Окружающий мир отражается в формах чувственного знания. Одной из форм чувственного знания являются общие представления – чувственные схемы различных родов вещей (нечто вроде топографических знаков хвойного и лиственного дерева). Например, в сознании у людей есть общая схема лошади, поэтому мы узнаем лошадь и в тяжеловозе, и в пони. У человека есть определенный минимум аксиоматических общих представлений, обладание которым позволяет переходить к понятийному (языковому и отчетливому) мышлению.

Понятие как логическая форма существует только в виде определения, в котором перечисляются необходимые и достаточные признаки. Чтобы адекватно воспринять исходные понятия, лежащие в основе логических знаний, человек должен уметь перевести их на язык базовых общих представлений. В противном случае понимание и взаимопонимание будут недостаточно точными. Практически же за употребляемыми словами, составляющими основу языкового мышления, далеко не всегда стоят ясные представления, но в то же время за ними ещё не стоит отчетливое разделение на признаки. Для обозначения этой промежуточной формы В.Н. Сагатовский использует понятие имени.

И понятие представления, и понятие имени близки концепту: они обладают чувственной составляющей, также, как и концепт, не предполагают в своей основе точного определения, нет разделения на признаки, они, как и концепт, – некоторая промежуточная форма между чувственным знанием и понятийным.

Томский философ А.Н. Книгин в своей концепции разрабатывает понятие «идея», и именно это понятие близко к философскому пониманию концепта.

Образование идей у А.Н. Книгина связано с механизмом ретенции. Идея – это взаимосвязь «слово – ретенция – первичные феномены». Слово «ретенция» заимствовано у Э. Гуссерля, у которого она понимается как «первичная память», сохраняющая, удерживающая и продолжающая какое-либо восприятие (феномен). А.Н. Книгин берет из этой гуссерлевской идеи ретенции мысль об удержании феномена в изменённом виде. Ретенция – это всякий след опыта созерцания или переживания, существующий на уровне бессознательного [9].

Механизм ретенции можно описать следующим образом: человек сталкивается с каким-либо феноменом (ощущает боль от удара, видит часы или какой-нибудь другой предмет и т.д.). После этого у человека остается некий след прошедшего феномена, имеющий смутный и неопределенный характер. Этот смутный образ и есть ретенция. А далее каждая новая встреча с подобными феноменами (боль от пореза или ожога, солнечные часы) расширяет ретенцию. Когда происходит связь ретенции со словом, то мы получаем идею.

В качестве критерия разграничения понятия и идеи А.Н. Книгин указывает способность человека дать определение имени. Если мы способны определить имя, то имеем понятие, если нет, то идею, поскольку за идеей «стоит» большое количество первичных феноменов, которые собственно и не позволяют без рефлексии дать ясную дефиницию. «Возьмём слово “стол”. Когда мы имеем понятие стола? Только тогда, когда мы определили его функционально: “стол это предмет домашнего обихода, служащий для того, чтобы... и представляющий собой...” (указать его функции и его внешние признаки). Ясно, что применительно к обыденным вещам в обыденной жизни мы никогда (или практически никогда) таких мыслительных операций не проводим, функции и признаки вещей улавливаем из жизненных ситуаций и поэтому имеем их “идеи”, но отнюдь не понятия» [9. С. 120].

Идея в таком понимании очень близка пониманию концепта. Концепт, с нашей точки зрения, включает в себя индивидуальный опыт, личные ассоциации, представления, воспоминания. Он не имеет строгой структуры, как понятие. Дать конкретному концепту, как и идее, строгое определение не представляется возможным. С этой точки зрения вполне понятна обычная ситуация, когда одно и то же слово два разных человека понимают по-разному (например, в силу принадлежности к разным культурам, к разным слоям общества и т.д.). В такой ситуации можно сказать, что с одним и тем же словом у разных индивидов связаны разные концепты или идеи. Но одновременно понятие идеи отлично от понятия концепта. Основной тезис А.Н. Книгина относительно идеи состоит в том, что идея – это молекула мысли. Таким образом, в идее, в отличие от концепта, преобладающее значение играют когнитивные составляющие.

Анализ позиций философов как зарубежной, так и отечественной философии, как классической традиции, так и современных концепций, позволяет нам зафиксировать тот факт, что философская мысль, начиная со Средневековья, двигалась к идее концепта. Финальным аккордом этого историко-философского анализа, предпринятого нами, должно стать определенное философское понимание концепта. Как же философия должна определить такой феномен, как концепт?

Философское понимание концепта, с нашей точки зрения, состоит в том, что концепт является фундаментальной и исходной формой человеческого мышления, имеющей в своей основе как когнитивный, так и перцептивный опыт.

Наше утверждение, что концепт является фундаментальной и исходной формой мышления, означает то, что в нашей повседневной жизни мы мыслим концептами. Мы выскажемся даже более радикально: в мышлении ре-

бенка мы не найдем понятий, он мыслит только концептами. Концепты – это естественная форма нашего мышления, врожденная. И лишь в процессе обучения мышление становится понятийным, понятийная форма является приобретенной по своему характеру, нас ей обучают в различных образовательных учреждениях.

Введение идеи концепта в философию, в свою очередь, порождает новые проблемы: отличие концепта от классической формы мышления, а именно понятия и способ бытия концепта (его соотношение с сознанием и языком).

Основной критерий различения концепта и понятия прост: если мы даем четкое определение слова, то мы имеем понятие, если нет, то концепт. Такую же, может быть, чуть более мягкую, точку зрения относительно определмости понятия и неопределимости концепта высказывает Б.П. Шошин, именуя понятия «конструктами»: «Концепты и конструкты являются продуктами совместной деятельности некоторой общности людей (культуры)... Определение обязательно для конструкта. Концепт же может существовать и без определения. [Тогда] неизбежны... расхождения в трактовке концепта различными индивидами в пределах одной и той же культуры. Отсюда – стремление определить концепт» [10. С. 29].

Что значит «дать определение» слова? В нашем сознании существует огромный поток информации о предмете: запах, зрительная информация о внешних параметрах предмета, информация об его свойствах, воспоминания, связанные с ним личные смыслы и т.д. Когда нам говорят слово «стол», а мы в ответ: «Стол – это предмет, на котором дедушка раскалывал кусок рафинада», то очевидно, что мы дали некоторое определение слову «стол», но никто, кроме нас, его не поймет. Мы актуализировали часть информации, которая есть в нашем сознании, а именно воспоминание, связанное со столом, но это определение будем иметь значение лишь для нас. Поэтому в данном случае мы имеем концепт стола. Когда же мы актуализируем свое внимание на важных и существенных признаках стола и отражаем их в определении, отражаем то общее, что улавливается большинством индивидов, то мы даем понятие стола. Собственно, это такое понимание понятия, о котором говорит логика. Пример со столом ясно показывает, что концепт несравненно шире понятия. Воспоминаний, ассоциаций, переживаний по поводу одного предмета может быть бесконечное множество. Концепт синкретичен по своему содержанию.

Теоретически концепт и понятие можно описать следующим образом. Понятие имеет жесткую структуру и являет собой четкую совокупность основных признаков предмета, концепт включает в себя «разнообразный компот»: воспоминания, переживания, индивидуальный опыт, ассоциации, представления – и соответственно, структура его расплывчата. За понятием стоят общие структуры. За концептом стоит не опыт вообще, а конкретный индивидуальный опыт, опыт конкретного человека. И феноменально они тоже различны: концепты не только мыслятся, но и переживаются. Это две формы мышления, но разные формы мышления. Если понятие – это строгая форма мышления, которой мы можем дать четкое определение, то концепт субъективен, индивидуален, его структура расплывчата, и в силу этих особенностей его природы мы не можем дать ему однозначной дефиниции.

Следующий вопрос, к которому мы обратимся, это бытие концепта. С нашей точки зрения, концепт существует на четырех уровнях: сознание – авторский текст – текст интерпретатора – коллективное сознание.

Первый уровень бытия концепта – это индивидуальное сознание человека. В сознании человека находятся так называемые индивидуальные концепты. Индивидуальные концепты субъективны, динамичны, изменчивы, формируются через усвоение языка и через личный познавательный и эмоциональный опыт, находятся в сознании индивида. Индивидуальные концепты описаны быть не могут, поскольку содержат личностные ассоциации и смыслы. Концептосфера личности – это его индивидуальные концепты.

Второй уровень бытия концепта – авторский текст. Индивид может попытаться выразить свой индивидуальный концепт в тексте. Это будет уже не тот же самый концепт, которым оперирует сам индивид, поскольку полностью выразить в слове индивидуальный концепт невозможно, есть составляющие, которые можно только пережить. При этом авторский концепт будет нести значимую для индивида информацию, его личностные смыслы. Авторский концепт существует в текстах философов, ученых и поэтов. По авторскому концепту можно попытаться воссоздать картину мира писателя или поэта, и в этом случае концепт переходит на новый уровень бытия, а именно в текст интерпретатора.

Интерпретация в философии имеет свою традицию изучения. Особенно активно процесс интерпретации обсуждался в герменевтике. Согласно П. Рикеру [11], интерпретация имеет двойственный вектор развития. С одной стороны, она осуществляет движение к истоку, к исходным смыслам субъективного бытия. В этом качестве она представляет собой археологию, исследование начал (архэ), скрытых под поверхностными смысловыми пластами. С другой стороны, интерпретация движется в направлении порождения новых смыслов. В этом качестве всякая интерпретация есть телеология (телос).

С нашей точки зрения, интерпретация всегда есть не столько археология, сколько телеология, если пользоваться терминологией П. Рикера. Мы усилим наш тезис, сказав, что достоверная археология невозможна. Ведь о чем говорит П. Рикер, когда выдвигает свой тезис об интерпретации как об археологии? О том, что интерпретация как археология может выявить те смыслы, которые заложил автор, в терминах нашей концепции, реконструировать авторский концепт. Но это невозможно в полной мере, с нашей точки зрения. Никогда нельзя полностью раскрыть авторский концепт, какая-то часть авторского концепта навсегда останется за завесой тайны. Исследователь как носитель языка всегда опирается на свои индивидуальные концепты и уже через их призму рассматривает авторский концепт. В результате получается конструкт, который отражает часть того, что содержится в авторском концепте, и часть индивидуальных концептов интерпретатора. Поэтому интерпретация авторского концепта – это всегда будет новый концепт, это телеология, порождение новых смыслов.

Таким образом, интерпретатор, изучая авторский концепт и пытаясь реконструировать его, в любом случае создает свой концепт, который будет отличен от оригинального концепта.

Четвертый и последний уровень существования концепта – это коллективное сознание. На этом уровне существуют авторские и интерпретаторские концепты, которые стали коллективными. Коллективные концепты или культурные концепты обладают культурной общностью, объективностью, формируются в истории народа, через закрепление опыта народа и хранятся в самом языке, в языковом коллективном сознании. Культурные концепты создаются на базе индивидуальных концептов, например писателями или поэтами.

Рассмотрим идею о разноуровневом существовании концепта на конкретном примере – возьмем, например, культурный концепт «время». У конкретного индивида есть свой концепт времени. Если этот индивид пишет стихотворения, является поэтом, то свой концепт времени он может воплотить в своем творчестве. На этот концепт будут указывать слова, связанные с ним, – «былое», «настоящее», «в прошлом» и т.д. Все эти слова поэт использует в определенных контекстах, тем самым он реконструирует свой концепт времени, пусть и не во всей полноте. Таким образом, концепт времени выражен во всем его творчестве, а не только в стихотворениях, посвященных времени. Помимо творчества этого поэта, существует еще критика его творчества. В критической литературе на базе концепта времени этого поэта будет существовать еще один (или несколько – в зависимости от количества интерпретаторов) концепт времени. Вполне возможна ситуация, что поэт становится всенародно любимым, его стихотворения повсеместно цитируются, и, таким образом, концепт времени этого поэта становится культурным концептом.

Постулирование разноуровневого существования концепта решает проблему соотношения концепта, сознания и языка. В нашем понимании сознание и язык – это разные уровни существования концепта.

Таким образом, концепт – это медиальная структура, имеющая субъективно-объективный характер. Он существует как в сознании индивида, так и в языке этноса. Концепт является фундаментальной формой мышления, прежде всего обыденного. Однако, с нашей точки зрения, мышление в концептах характерно не только для повседневности, но систематически и для точных наук. Это можно наблюдать на начальном этапе развития любой новой области в конкретной науке. Лишь с развитием этой области понятийный аппарат стабилизируется и концепты становятся понятиями.

Литература

1. *Неретина С. С.* Концепт // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон +; РООН «Реабилитация», 2009. С. 387–389.
2. *Кант И.* Сочинения: В 6 т. Т. 3. М., 1964. 799 с.
3. *Гегель Г.* Философия духа // Гегель. Сочинения. Т. 3. М., 1956. 372 с.
4. *Ладов В.А.* Иллюзия значения: Проблема следования правилу в аналитической философии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. 326 с.
5. *Делез Ж.Ф.* Гваттари. Что такое философия? М.: Институт экспериментальной социологии, 1998. 288 с.
6. *Суржанская Ю.В.* Идея концепта в современном гуманитарном знании // Современные проблемы методологии и инновационной деятельности: Матер. Всерос. науч.-практ. конф. ученых, аспирантов, специалистов и студентов, г. Новокузнецк, 23–24 апреля 2010 г.: В 2 т. Т. 2. Новокузнецк: Филиал ГУ КузГТУ в г. Новокузнецке, 2010. С. 72–74.

7. Суржанская Ю. В. Развитие идеи «концепта» в науке и философии // Система ценностей современного общества: Сборник матер. X Междунар. науч.-практ. конф.: В 2 ч. Ч. 1. Новосибирск: СИБПРИНТ, 2010. С. 32–35.

8. Сагатовский В.Н. Мемуары философа-аутсайдера [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vasagatovskij.narod.ru/raboti.html>, свободный.

9. Книгин А.Н. Философские проблемы сознания. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 338 с.

10. Шошин П.Б. Пути концептуализации бессознательного // Бессознательное: многообразие видения. Т. 1. Новочеркасск: Сагуна, 1994. С. 27–39.

11. Рикёр П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле. 2002. 624 с.